

На сей раз я уперлась в портьеру, поднырнула под нее и оказалась в холле у гардероба, где чинно прохаживалась парадная публика, немало удивленная моему поведению.

Положение, признаться, ничуть не убавило интереса к потайной части театра, и однажды представился случай задержаться подольше. Помощник режиссера Надежда Курицына сводила меня и фотокорреспондента на экскурсию.

Коридоры даже с проводницей оставались так же замысловаты. Ориентироваться можно было разве что по фортепиано. Их оказалось много, на каждом этаже и, как правило, в углу (почти что в куласт). Под инструментами распеваются актеры и служащие театра.

По пути однажды мы наткнулись на

В момент затихия Борис Жакович корчил над макетами спектаклей. Для музея (аналогичное я встречала в драматическом театре Екатеринбург, здорово смотрелось). И еще мы попросили его пофантазировать с ногой несчастного манекена, которая почему-то одиноко оказалась здесь (смотри фото).

Вторую ногу мы отыскали потом у художника-декоратора Виктора Крушенко. Когда для Лидии Матусовой, вернее, для ее героини в «Госпоже министерше» потребовались чулки в «шаматки», та самая нога пригодилась. На нее натянули обычный чулок и раскрасили квадратами.

Каждый предмет в театре со смыслом. Как то ружье, что непременно должно выстрелить. Неужных здесь нет. Вещи молчаливо хранят историю.

мой добротой Евгением Игумновым. Ну а костюмы для актеров шьются из хороших тканей.

В подшивочном цехе тапировали всем деле портны — Эдья и Паша. Работают, словно дуэт музыкантов. Порой и в прямом смысле тоже. Иногда брента на гитаре, когда есть время побренчать.

Сейчас некогда — создаются эскизы и новому спектаклю (по «Процессу» Кафки). На эскизах запечатлевается все, даже сцена порки с романтично припущенными штанами. И, открою небольшой секрет, опыткин будет раба (ох уж эта слабость режиссера).

Так уж устроено, что служащий театра вопли прежде всего сорывает душу создателя, а потом — думать о своей. Несмотря на это Эдья Абрамов считает себя вполне свободным человеком. Иначе откуда взяться признанию: «В зэки стенах есть маленький проемчик, куда так бы хотелось входить».

У большинства в этом театре есть такой «проемчик». Но не у все. Недавно из НЭТа ушли инженер по сцене Виктор Гавриков и инженер по свету Андрей Хараторкин. К большому сожалению. «Свету ли провалиться, или мне чаю не пить», но они делали чертовски привлекательные закулисы. Это, наверное, самое таинственное место в театре.

Переступаешь по сцене осторожно, боюсь что-нибудь задеть. Вдруг все враз задвигается, выполняет из угла: начнет освободиться от цепкофанды затанцующее дерево, или тронется с места вагончик, или вылетят руки световые башки (уникальное изобретение Хараторкина).

На сцене, когда зал пуст, тревожно, будто здесь незримо присутствуют души актеров. И они сами несут по пластмассовому полу со сцены прочь. На свет в окошке над галеркой. Туда, где совершается особый ритуал — священнодействие звукооператора Михаил Ковалев.

Всякий раз, как идешь в НЭТ, уверен, что обязательно будет хорошая музыка. Она заполнит все пространство и завладеет твоим настроением. В отдельной шикарной студии звукозаписи работает над спектаклями известный многим звукорежиссер Сергей Балакин. А в радиодиске — Ковалев.

Хорошие записи Михаил достает через своих зарубежных друзей. Вспоминает, с каким удовольствием «строил» Новый Орлеан в «Трамвае «Желание». Американка Аббади предоставила ему целый ворох пластинок с оригинальными записями 30-х годов цифрового восстановления.

Уникального в театре много, но не обьять необьятнее. Разве еще пару слов о тренажерном зале с великим множеством снарядов. Зал любим всеми; и женщинами, и мужчинами. Тем паче, что с душевным полным порядком. Канчас, хоть до седьмого пота. Но это уже детали.

Хотя, наверное, с таких деталей и начинается спектакль. Только с каких вначале — это для кого как. Как, например, для меня НЭТ начинается не с вещаками, — за пределами театра. С шмещающего бжоза, что, усиленным копонами, достает аж до Привозальной площади.

Вот такая
ХРУСТАЛИНА.

НА СЧИМКАХ: заведующий радиодиском М. Ковалев, заведующий буфетским цехом Б. Жакович, заведующий декоративным цехом В. Крушенко.

Фото
Геннадия КОЛОДКИНА.

ЗАВТРА — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ТЕАТРА

ЗА КУЛИСАМИ СВОИ СЕКРЕТЫ

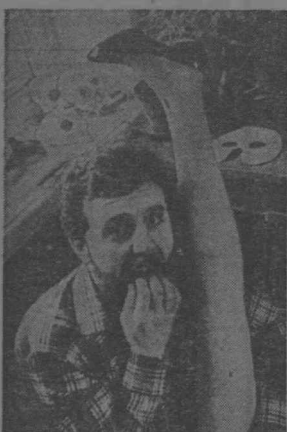
Спектакль начинается не когда начинается спектакль, а гораздо раньше. И не там, где его увидит публика, а глубже — за кулисами, на «задворках» — потайной части театра. И чтобы попасть на «задворки», нужно пройти через черный вход. Это страшно интересно, но рискованно.

Однажды во время международного театрального фестиваля я проскочила по визитке черный вход НЭТа, что в общем-то до этого уже случалось, и попробовала пропихнуть самостоятельно в сцену. Естественно, заблудилась. В узких, слепых и замысловатых коридорах меня вызволил строгий дежурный, немного пострадал и поставил на путь истинный.

слегка покоренный фен (под ногой всякий раз подпрыгивают те, кто усталенно плещется в бассейне во время спектакля «Ромео и Джульетта»).

За черным роулем в углу двери в буфетский цех — небольшую комнату с большим потертым столом-тумбой, плиткой, тиснами, всякими банками-сидлянками и хомячками, уютно свернувшимися на солнышке. Они привычно ориентируются в этом мире, где постоянно мастерятся предметы для постановок и кое-что обновляется. Например, бумажные фонарики, которые всякий раз рвут в «Трамвае «Желание» темпераментные актеры.

Здесь собирается всякая всячина, в том числе и то, что осталось от прежнего театра имени Горького (в том числе и древний портрет самого писателя). Этим вещам не дают умереть. Кое-что просто переводят в иное состояние: на старых программах делают палье-маше и мастерят маски для Ромео и Джульетты.

Когда попадаешь в комнату, где хранится реквизит, кажется, что вещи, покрытые пылью, сплетничают на своем языке за подсыми спинами.

Кстати, на разных полках живут предметы разных спектаклей. Самая большая полка с реквизитом для спектакля о разбитых сердцах «Трамвай «Желание». Самая миниатюрная — у «Ромео и Джульетты» (молодым ведь была нужна всего-то малость — любовь).

Некоторые вещи кочуют с одной полки на другую. Например, деревянный остоу торта, который всякий раз обмывают бже и в который так удачно в одном из спектаклей ныряет носом Александр Таза...

Как там у Татьяны Щербины сказано о театре: «Сделаем шапки из меха, разделаем тушки, возьмем чемодан из тошнотной кожи». В реквизите НЭТа — обыкновенный потертый чемодан. Зато по части «тушек» хорошо налажено у снабженческой службы, возглавляе-

